

Литературные очерки.

1.

Несмотря на свою большую молодость, русская литература дала такую богатую галерею более или менее страстных искателей правды, беспокойных страстников «зыскующих о градь», донь-Бихотовъ мысля, сражающихся съ окружающей пошлостью и низменностью — какой, пожалуй, не найдется ни в одной из европейских литератур.

Впрочемъ возможно, что это произошло именно благодаря нашей юности. Въдь молодежь съ наибольшей жаждою и горячностью борется за рѣшеніе самых трудныхъ и отвѣтственныхъ нравственныхъ вопросовъ. Равнодушіе и скептицизмъ приходятъ позже, когда годы и житейская усталость суживаютъ горизонты.

Наши крупные писатели, какъ представители общества въ культурномъ отношеніи еще юного, всегда отличались широкимъ захватомъ и стремленіемъ рѣшить самые жгучіе вопросы и личной и общественной этики. Они не ограничивались художественнымъ, правдивымъ изображеніемъ дѣйствительности, а, выбирая героини людей наиболѣе сознательно и интенсивно относящихся къ жизни, тѣмъ самымъ помогали читателю разобратся въ ея сложной путаницѣ.

Если взять дѣйствующихъ лицъ Тургенева, который былъ однимъ изъ первыхъ художественныхъ автобиографовъ исторіи русскаго интеллигента, то не трудно прослѣдить, какъ это исканіе становится все болѣе упорнымъ и дѣлательнымъ. Даврецькій еще только безхарактерный мечтатель. Рудинъ — вдохновенный ораторъ, умилющий будить въ сердцахъ священный огонь энтузіазма. Но его краснорѣчіе бесполезный даръ. Тогдашнее русское общество стояло еще на границѣ новой

ступени развитія. Рожденный, чтобы быть народнымъ трубуномъ, Рудинъ терзается и путается въ мелочахъ жизни. Но его смерть на баррикадахъ говоритъ о томъ, что въ немъ была душа героя. Затѣмъ идетъ Базаровъ, безпощадный отрицатель, желающій разрушить всѣ условности, чтобы расчистить дорогу слѣдующимъ поколѣніямъ. Инсаровъ и Неждановъ — уже борцы положительные, имѣющіе опредѣленные идеалы. Но, несмотря на различіе темпераментовъ и даже взглядовъ, всѣ они члены одной семьи.

И у Достоевскаго мы опять видимъ тѣхъ-же рыцарей духа, хотя и иначе окрашенныхъ. Это — Раскольниковъ съ его озлобленной жалостью къ людямъ, князь Мышкинъ, любвеобильный иротикъ, печтательный мистикъ Алеша Баразновъ. Но Достоевскій пытается открыть и высказать не только человеческую правду, но и найти ключъ къ вѣчной справедливости.

Въ этомъ онъ сходенъ съ гигантомъ нашей литературы, со Львомъ Толстымъ. Хотя здоровый и ясный умъ послѣдняго, даже въ этой области свободенъ отъ того мистическаго тумана, который застилалъ многіе взгляды автора «Дневника писателя».

Для Пьера Безухова мистицизмъ только временное настроеніе, навѣянное отчасти масонствомъ, отчасти личной неудовлетворенностью жизни. Какъ только его мысли и характеръ ярѣютъ, всѣ его силы обращаются на практическую дѣятельность. Левинъ, мучался надъ загадочностью жизни, находитъ успокоеніе въ вѣрѣ, видитъ присутствіе Бога и въ окружающей природѣ и въ своей душѣ.

Бъ тому же приходитъ и герой послѣдняго романа Толстого. Но князь Нехлюдовъ не только занимается чистой собственной совѣстью, какъ выразился о немъ одинъ критикъ, но и анализируетъ и критикуетъ лживость и несправедливость современихъ человѣческихъ отношеній.

Крупный нравственный толчокъ вызываетъ въ немъ цѣлый переворотъ, то «воскресеніе», которое изъ доброжелательнаго, но празднаго барина, обращаетъ его въ беспокойнаго искателя. Онъ хочетъ не только разобратся въ сложномъ лабиринтѣ людской несправды, но и пробить себѣ дорогу къ болѣе чистой и нравственной жизни. Какъ онъ это дѣлаетъ и къ чему онъ приходитъ — это другой вопросъ, но безъ сомнѣнія Нехлюдовъ одинъ изъ яркихъ представителей того стремленія къ правдѣ, которое мы особенно цѣнимъ и любимъ въ лучшихъ произведеніяхъ корифеевъ нашей литературы.

И небывалый успѣхъ, выпавшій на долю «Воскресенія», объясняется не только популярностью Толстого и поразительной силой его творчества, но, главнымъ образомъ, затронутой имъ громадной гаммой жгучихъ нравственныхъ задачъ.

И впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе, что за послѣдніе два десятилѣтія мы уже отвыкли отъ такого широкаго захвата. Общественное сознаніе не то дремало, не то пугливо пряталось, и это затишье сказывалось въ литературѣ, поблекшей и съузившейся. Грусть, уныніе, безнадежность, характерныя всего вылившіяся стихіи Надсона, этого любимаго поэта 80 годовъ, царилъ всюду. Въ противовѣстъ имъ слышался только голосъ развѣснаго скептицизма, трактовавшего о томъ, что разумный и благожелательный человѣкъ долженъ умиѣть не только мириться съ дѣйствительностью, но и наслаждаться ею.

Не веселая все это были мысль, но, къ счастью, къ концу 90-хъ годовъ потянуло свѣжей струей и въ литературѣ начали раздаваться новые голоса, болѣе жизнелюбивыя и добрыя.

II.

Однимъ изъ типичныхъ представителей этой эпохи унынія можно считать А.

Чехова. Это, по истинѣ, поэтъ безвременія. Въ немъ мы встрѣчаемъ очень рѣдкое и грустное сочетаніе крупнаго таланта съ какой-то особенно безнадежною тоскливостью. Онъ художникъ сумеречнаго существованія и сѣрыхъ людей, жизнь которыхъ представляетъ какое-то безконечное томленіе, что-то безсильное и унылое.

«Выглянешь въ окно, а тамъ сѣрый заборъ, длинный сѣрый заборъ,—о Боже мой!»—тоскливо говоритъ героиня одного изъ послѣднихъ разсказовъ Чехова, перебирая впечатлѣнія своей подавляюще-скудной семейной жизни.

И это особенность всѣхъ героевъ этого талантливаго писателя, что всѣ они какъ будто окружены какой-то сѣрой стѣной, мѣшающей имъ думать и чувствовать, наслаждаться жизнью и принимать въ ней дѣятельное участіе. «Скука» и «скучно» ютъ ихъ излюбленныя слова. Именно скука, а не тоска, заключающая въ себѣ болѣе сознательное и активное отношеніе къ дѣйствительности.

Чехову кажется, что даже природа пропитана этой скукой, и у него коршунъ «неподвижно виситъ въ воздухѣ, какъ бы задумавшись о скукѣ жизни».

Если его скучающіе герои и дерзаютъ иногда заглянуть черезъ сѣрый заборъ окружающихъ будней, подняться выше этихъ тоскливыхъ сумерекъ, то ихъ рѣшимость длится не долго. Въ какомъ-то старческомъ безгнѣи прячутся они въ свою раковину и, въ свое оправданіе, начинаютъ увѣрять, что сѣренькая жизнь и лучше, и честнѣе, и полезнѣе.

Такъ говоритъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ героевъ Чехова, Ивановъ. Этотъ эгоистическій нытикъ распространяется о томъ, какъ онъ когда-то горячился и вѣровалъ и дѣйствовалъ «не такъ какъ всѣ», то есть, очевидно, съ большей напряженностью жизненнаго дульца. Но, по правдѣ сказать, это

кажется совершенно невѣроятнымъ. Слишкомъ ужъ мало духа общественности въ этомъ неврастеничномъ туманѣ. Правда, онъ произноситъ какія-то слова о большой совѣсти, но эта совѣсть не заставляетъ его относиться въ окружающему сколько-нибудь сознательно, понять, что есть извѣстная ответственность и обязательство передъ близкими. Правившая ему дѣвушка объясняется ему въ любви—онъ только «въ отчаяніи хватается за голову». Ему говоритъ, что его жена умираетъ; а онъ жалобно отвѣчаетъ: «Это все пустыни, а вотъ у меня голова болитъ».

Такимъ, какъ онъ, субъектамъ, носящимся съ собственной бесполезной оболочкой, ихъ больная голова заслоняетъ весь міръ. Нагоняя тоску на себя и другихъ, они бродятъ въ житейскомъ туманѣ, даже не пытаясь выбраться на какую-нибудь опредѣленную дорогу. Они слишкомъ заняты собой, чтобы думать о какомъ бы то ни было исцѣленіи. Двугривенныхъ, конечно, такіе господа не воруютъ, но передъ ихъ глазами будутъ совершаться подлости, а они только брезгливо или шугливо отворачиваются. Сами лишены идеаловъ, они съ равнодушно-насиѣтливимъ скептицизмомъ относятся къ чужимъ порывамъ. «Мечты поэтовъ, созданія искусства восторгомъ сладостны ихъ унѣ не шевелатъ».

Даже въ вопросахъ чувства они поступаютъ такъ дико и растерянно, точно самая общечеловѣческая способность къ привязанности въ нихъ искалѣчена и атрофирована. Докторъ въ «Дядѣ Ванѣ» говоритъ восторженной очаровательницѣ Еленѣ Андреевнѣ: «Поживете у насъ еще вѣчного а я вамъ страхъ какъ удескусь». Конечно, онъ говоритъ это другими словами, но смыслъ то тотъ. И всѣ эти сѣрые люди всегда ждутъ еще какого-то «еще немнога», чтобы начать понастоящему не только дѣйствовать, но даже чувствовать.

III.

Въ томъ разсказѣ—«Дана съ собакой»*)—изъ котораго я цитировалъ фразу о сѣромъ заборѣ, герою тоже казалось, что «еще немнога и рѣшеніе будетъ найдено и тогда начнется новая, прекрасная жизнь». На этомъ разсказѣ кончается, и какъ-то не вѣрится, чтобы эти люди сумѣли начать жизнь по новому.

Случайно познакоившись въ Ялѣ, они уже черезъ недѣлю были близки. Гуровъ смотрѣлъ на эту связь, какъ на курортное, ни къ чему необязывающее развлеченіе. Въ Москвѣ у него была семья—непріятная для него жена и взрослые дѣти. Онъ не прочь освѣжиться близостью съ молодой и красивой женщиной. Тѣмъ болѣе, что въ жизнерадостной и веселящейся Ялѣ они оба чувствовали себя далекими и оторванными отъ обычныхъ условій своей жизни.

Но оказалось, что эта Анна Сергѣевна, которая для него была вначалѣ просто «дамой съ собакой», вызвала въ немъ, уже сорокалѣтнемъ господинѣ, волочившемся за всѣми встрѣчными, сколько-нибудь интересными женщинами, настоящее и искреннее чувство. Онъ понялъ это не сразу, а только тогда, когда разлука освѣтила силу его привязанности. И тугъ они, оба связанные семейными узами, начинаютъ канителиться. Онъ живетъ въ Москвѣ, она туда изъ своего городишка раза три въ мѣсяцъ пріѣзжаетъ, чтобы провести съ Гуровымъ нѣсколько дней. Она наюся, такъ какъ любитъ другъ друга «сильно» и нѣжно», но какъ выйти изъ живаго и душевнаго положенія не знаютъ.

«Никъ казалось, что сама судьба предназначила ихъ другъ для друга и было непонятно, для чего онъ жеманитъ, а она замужемъ,—это было чудовищно. Точно это были двѣ зрелыя птицы, самоцѣ

*) «Русская Мысль», кн. XII. 1899 г.

и самка, которых поймали и заставили жить въ отдаленныхъ клеткахъ».

Неспособные, непривыкшіе разбираться въ житейской правдѣ и неправдѣ, они ничего не могутъ придумать и выѣсть того, чтобы самимъ найти выходъ, будутъ уныло ждать пока благотворительная судьба такъ или иначе выручитъ ихъ.

Эта неспособность къ самостоятельнымъ поступкамъ вмѣстѣ съ отсутствіемъ широкихъ горизонтовъ—одна изъ отличительныхъ чертъ чеховскихъ героевъ. Они всегда, точно осенніе листья, несутся по вѣтру невѣдомо куда, безъ определенной цѣли и съ безсильными желаніями.

Зато его произведенія приводятъ въ какое-то унылое, безнадежное настроеніе. Точно дѣйствительные идеалы угасли и осталось только воспоминаніе о нихъ, вызывающее въ людяхъ ту смутную тревогу, которая мучала еще барана непомнящаго.

IV.

Но послѣдняя повѣсть А. Чехова, напечатанная въ журналѣ «Жизнь» (№ 1, 1900 г.), производитъ совершенно особое, такъ сказать, совершенно не чеховское впечатлѣніе. Его писательскіе приемы остались тѣ же, и даже пожалуй съ особой силой и сжатой яркостью сказались въ этомъ произведеніи. И съ обычнымъ спокойнымъ юморомъ, составляющимъ одну изъ лучшихъ сторонъ его таланта, художникъ очерчиваетъ въ нѣсколькихъ словахъ какое нибудь положеніе или даже цѣлый характеръ. Но этотъ юморъ еще только сильнѣе отбрасываетъ трагизмъ всего разсказа.

«Въ оврагѣ» — это исторія цѣлой семьи, разсказанная съ эпической простотой и сжатостью. Дѣйствіе происходитъ въ фабричномъ селѣ, знаменитомъ только тѣмъ, что когда то въ этомъ селѣ «дьячекъ на похоронахъ всю нирусьлъ». Это было единственное, за долгій періодъ времени, событіе, оставившее

по себѣ память въ обывательскихъ умахъ.

И въ этомъ то глухомъ уголкѣ разыгрывается цѣлая драма въ семьѣ мѣстнаго кулака Цыбукина. Этотъ старикъ, мошенникъ и безжалостный кровопийца по отношенію къ бѣднотѣ, среди своей семьи является мягкимъ, любящимъ человекомъ. Въ домѣ всѣмъ живется легко и весело. Его вторая, сравнительно молодая, жена щедрой рукой раздаетъ милостыню и Цыбукинъ не только не противится, но даже почти поощряетъ ее къ этому. Эта копѣчная благотворительность какъ уравниваетъ будто, ихъ грабежъ.

Когда грѣхъ, казалось, сгустившись уже туманомъ стоялъ въ воздухѣ, тогда становилось какъ-то легче при мысли, что тамъ въ домѣ есть тихая, опрятная женщина, которой нѣтъ дѣла ни до солонины ни до водки: милостыня ея дѣйствовала въ эти тягостные туманные дни, какъ предохранительный плапанъ въ шапкѣ».

Старикъ особенно гордится старшимъ сыномъ, сыщикомъ. Женитьба этого Анисима составляетъ центръ разсказа. Ему находятъ невѣсту молоденькую, робкую, бѣдную и красивую. Онъ женится какъ то мимоходомъ, небрежно разрѣшая продѣлать надъ собой эту процедуру. Въ сущности ему совсѣмъ не до того, такъ какъ онъ находится подъ гипвозомъ страха попасть подъ уголовную ответственность за выдѣлку фальшивыхъ монетъ. Но въ семьѣ этого еще никто не подозреваетъ. Свадьба справляется пышно, всѣ довольны. Полъ года спустя Анисима арестуютъ, судятъ и ссылаютъ въ Сибирь.

Какъ видите фабула крайне не сложная, но характеры и психологія дѣйствующихъ лицъ написаны съ такой скульптурной выпуклостью, столько общечеловѣческаго вложено въ эту семью селскаго кулака, что можно безъ приувеличенія назвать эту повѣсть однимъ изъ лучшихъ произведеній А. Чехова.

А главное въ ней есть то исканіе правды, отсутствіе котораго дѣлаетъ мертвыми другія вещи Чехова. Даже у сыщика Анисима, насквозь пропитаннаго міазмами городской «цивилизаци», совѣсть «пищитъ» какъ цыпленокъ въ яйцѣ. Онъ говоритъ, что люди дѣлають только то «къ чему приставлены», не разбирая дурно это или хорошо. «Цѣлый день ходишь, и ни одного человѣка съ совѣстью. И вся причина потому, что не знаютъ, есть Богъ или нѣтъ...»

Но его жена, Липа, по безоглятной кротости похожая на Сою Мармеладову, та ни минуты не сомнѣвается въ томъ, что Богъ есть. Эта Липа настоящій свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ.

То довольство, въ которое она попадаетъ въ домъ мужа, не тѣшитъ, а напротивъ тяготитъ ее. «Богато живутъ, а только страшно у нихъ», говоритъ она про семью свекра. И ея навныя полудѣтскія изліанія передъ добродушнымъ старикомъ плотникомъ такъ живо передають страхъ жизнерадостной птички, попавшей въ непонятную и тяжелую для нея обстановку. И когда этотъ плотникъ, напоминающій толстовскихъ крестьянъ-философовъ, разсуждаетъ о томъ, что «кто трудится, кто терпѣть, тотъ и старше», то его слова какъ будто утѣшаютъ и успокаиваютъ Липу.

«Липѣ и ея матери, которыя родились нищими и готовы были прожить такъ до конца, отдавая другимъ все, кромѣ своихъ испуганныхъ, кроткихъ душъ,—быть можетъ примерещилось на минуту, что въ этомъ громадномъ, таинственномъ мірѣ, въ числѣ безконечнаго ряда жизней и онѣ—слава, и онѣ старше кого-то»...

Развѣ это не напоминаетъ евангельскія слова: «Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царствіе небесное»?

Въ этихъ двухъ пугливыхъ и безпомощныхъ женщинахъ живетъ твердая невыблемая вѣра. Когда житейская гроза надвигается и чувство безутѣшной

скорби уже готово овладѣть ими, онѣ не поддаются ей.

«Никъ казалось, что кто-то сморгнуть съ высоты неба, изъ синевы, оттуда, гдѣ звѣзды, видѣть все, сторожить. И какъ не велико зло, все же ночь тиха и прекрасна и все-же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ правдой, какъ лунный свѣтъ сливается съ ночью»...

Липа остается такой же кроткой и бодрой, несмотря ни на ссылку мужа, ни на ужасную смерть ея ребенка, котораго она любитъ чисто стихійной, безграничной любовью. Ребенка нарочно ошпарила кипяткомъ другая невѣстка, это настоящее олицетвореніе животной силы и низменныхъ истинниковъ. Красивая, коварная и злая, какъ зѣба, она забираетъ въ домъ власть и выгоняетъ Липу. Та опять дѣлается нищей поденщицей. Но ни бѣдность, ни трудъ не пугаютъ и не озлобляютъ ее. Возвращаясь съ работы, она поетъ, «глядя вверхъ на небо, точно торжествуя и восхищаясь, что день, слава Богу, кончился и можно отдохнуть».

Такой любовью, такой вѣрой въ жизнь полна хрустальная душа этой женщины, которой судьба послала цѣлый рядъ испытаній, что, глядя на нее, самъ оживаешь и вѣришь, что источникъ правды еще не иссякъ на землѣ.

Пусть на этотъ разъ божественный огонь идеализма горитъ въ сердцѣ простого и безознательнаго существа. Онъ все-же въ тысячу разъ сильнѣе грѣетъ насъ, ярче освѣщаетъ темные пути жизни, чѣмъ холодный скептицизмъ умичающихъ Ивановыхъ. И потому-то эту повѣсть даже помимо ея рѣдкихъ художественныхъ достоинствъ, можно считать одной изъ лучшихъ вещей А. Чехова.

А. Варгемскій.